

УДК 94(470)“14/15” + 347.962(09) + 349.4(09)

У. Е. Головачева

**ДОЛЖНОСТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПОЛНОМОЧИЯ СУДЕЙ
ПО ЗЕМЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(XV – СЕРЕДИНА XVI в.)**

На основе законодательных и актовых источников проводится реконструкция персонального состава и должностного положения судей по земельным делам Русского государства XV – середины XVI в. Рассматриваются изменения полномочий различных категорий судей в контексте развития централизации и эволюции органов власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: судьи по земельным делам; судопроизводство; история государственных учреждений; Русское государство XV–XVI вв.; социальная история; просопография.

При изучении истории государственного управления все большее применение получают просопографические методы. Эта тенденция затронула и исследования по проблеме реконструкции истории органов власти в XV – начале XVI в. В последние 20 лет в свет вышли работы, посвященные персональному составу наместников и волостелей в первой половине XVI в. [см.: Пашкова], дьяческому аппарату в XV – начале XVI в. [см.: Алексеев, 1998, с. 159–272] и в период Смуты [см.: Лисейцев], был реконструирован состав и численность государева двора при Борисе Годунове [Павлов], наконец, просопографический метод помог приблизиться к решению дискуссионного вопроса о персональном составе Семибоярщины [см.: Ананьев, 2005; 2007].

Очевидно, что обращение к истории органов государственной власти с использованием просопографических методов во многом обогащает представления историков об эволюции государственного аппарата Русского государства XV – начала XVI в. Ярким примером может служить рассмотрение эволюции судопроизводственной деятельности в средневековом Русском государстве в контексте изучения должностного положения, персонального состава и полномочий судей по земельным делам.

Основой экономики средневекового феодального общества является земля. Именно качество и количество продуктов земельной обработки являются условием, определяющим уровень жизни населения, процессы экономического, социального и государственного развития. Поэтому обращение к конфликтам по поводу прав владения и использования земли помогает выявить противоречия интересов различных социальных групп внутри феодального общества. В условиях низкого уровня развития товарно-денежных отношений в феодальном обществе земля была формой обеспечения своего рода жалованья государственным служащим. Таким образом, возникает четкая взаимосвязь между процессами трансформации форм земельной собственности и формированием и развитием институтов управления единым Русским централизованным государством. Именно поэтому изучение судопроизводственной деятельности по

земельным делам в Русском государстве XV — середины XVI в. представляется актуальным для выявления закономерностей развития государственного управления в этот период.

Было бы неверным утверждать, что судопроизводственная деятельность XV–XVI вв. плохо изучена: к истории суда в средневековой России историки обращаются еще со второй половины XIX в. [см.: Дмитриев, с. 6–167; Владимирский-Буданов, с. 598–604], но для дореволюционной историографии было характерно внимание к нормативно-правовому регулированию деятельности судей. Материалы конкретных судебных разбирательств привлекались ими отрывочно и по большей части иллюстративно. В советской и современной российской историографии история суда не является самостоятельным предметом исследования и рассматривается в контексте истории государственных учреждений либо в рамках эволюции системы землевладения. Так, например, Н. Е. Носов акцентировал внимание на обязанности городских приказчиков по разбирательству земельных дел в городе и анализировал уголовное судопроизводство губных старост, опираясь на подробное изучение механизмов выдачи первых губных грамот [см.: Носов, с. 191]. Право писцов разбирать земельные споры при проведении писцового описания отмечал В. Б. Кобрин; способы взаимодействия наместников и волостелей с другими органами местного управления в процессе реализации права суда анализируются в работе Т. И. Пашковой [см.: Кобрин, с. 167; Пашкова, с. 115]. П. В. Чеченков, изучая систему управления нижегородскими территориями в XIV–XVI вв., отмечает наличие судебных полномочий у войсковых воевод уже к середине XVI в., еще до начала широкого распространения воеводской системы на территорию всей страны [см.: Чеченков, с. 112]; на наличие судопроизводственных функций у дьяков указывает Ю. Г. Алексеев [1998, с. 230]; участие детей боярских и княжеских слуг в судопроизводственной деятельности на уровне первичного разбирательства и исполнения судебных решений как одну из разновидностей службы выделяет И. Б. Михайлова [Михайлова, с. 52, 468].

К материалам конкретных судебных разбирательств обращались А. И. Копанев, Ю. Г. Алексеев и Н. Н. Покровский в процессе изучения истории землевладения и феодальных отношений в конкретных уездах Русского государства [см.: Копанев, с. 123; Алексеев, 1966, с. 27–29; Покровский, с. 125]. Так, Н. Н. Покровским был отмечен значительный информационный потенциал материалов судопроизводства о земле для реконструкции процесса перехода черных земель в монастырские вотчины [Покровский, с. 20–46]. Наконец, С. М. Каштанов, проанализировав ряд земельных дел конца XV в. с целью выявления подсудности той или иной территории наследникам Ивана III, проследил развитие династического кризиса в этот период [см.: Каштанов, 1967, с. 21–69].

В последнее десятилетие среди исследователей впервые за долгое время появился интерес и к процедурным моментам организации суда. Так, например, Ю. Г. Алексеев на основе анализа установлений Судебника 1497 г. [Алексеев, 2001] и вслед за ним К. В. Петров, базирующийся свои выводы на судопроизводственных документах [Петров, 2006; 2008], высказали ряд ценных замечаний о ходе судебного процесса в конце XV — первой половине XVI в.

Отмеченная выше особенность историографической ситуации — неразрывная связь исследования истории суда и истории государственных учреждений в XV—XVI вв. — имеет документальную основу: Судебник 1497 г., а затем и Судебник 1550 г. в качестве основной судопроизводственной инстанции определяют суд местных администраторов — наместников и волостелей [см.: Российское законодательство, т. 2, с. 59, 109, 112]. Постепенное появление института губных старост, ведавших уголовным судопроизводством начиная с 1539 г., в Судебнике 1550 г. обозначается лишь краткой оговоркой: «а старостам губным опричь ведомых разбойников у наместников не вступатись ни во что» [Там же, с. 108]. Объективно существовавшая в XV—XVI вв. ситуация неразделенности административной и судопроизводственной деятельности совершенно обоснованно определяет и ракурс исторических исследований.

Параллельно с судом наместников и волостелей в Судебнике 1497 г. существует и суд бояр и окольных [Там же, с. 54], который в Судебнике 1550 г. развивается до ведомственного принципа организации боярского суда в рамках приказной системы [Там же, с. 98]. Таким образом, исходя из законодательства складывается двойственная ситуация, когда судом занимаются и местные администраторы, и представители верхушки управленческой системы. Кажущаяся многочисленность должностных лиц и местных администраторов, занятых в судопроизводстве, вызывает совершенно обоснованные предположения о том, что число их может быть увеличено при обращении к материалам конкретных судебных разбирательств, а судостроительство в Русском государстве до окончательного складывания приказно-воеводской системы управления в целом носило хаотический характер. Поэтому, как представляется, рассмотрение особенностей должностного положения и персонального состава судей по земельным делам может способствовать, с одной стороны, выявлению новых категорий должностных лиц, занятых в судебной деятельности, а с другой, пониманию закономерностей функционирования и взаимодействия судебных инстанций местного и центрального уровней.

Необходимыми в данном случае являются замечания понятийного характера, которые связаны с применимостью и смыслом термина «судья» в юридических реалиях XV — середины XVI в. Ситуация неразделенности административного управления и суда, выразившаяся в законодательных установлениях о суде наместников и волостелей и суде бояр, вызывает обоснованные предположения о том, что участие в судопроизводственной деятельности является реализацией должностных полномочий. В связи с этим логичным кажется утверждение о том, что большинство судей являются должностными лицами и тем или иным образом включены в управленческую деятельность. Однако имеющаяся источниковая база (документы 236 судов о земле) и выявленная на ее основе совокупность судей (206 человек в период с 1416 по 1565 г.) могут поставить это утверждение под сомнение: об административной деятельности значительной части судей по земельным делам, занимавшихся разбирательством дела по существу — «став на спорной земле» — в источниках не обнаруживаются никаких сведений. Таким образом, получается, что разбирательством земельного дела по существу могли заниматься как должностные лица, непре-

ривно находящиеся на государственной службе и осуществляющие административно-судебно-фискальную деятельность, так и люди, получившие предписание о судопроизводственной деятельности со стороны органов государственной власти или должностных лиц. Исходя из этого предпочтительнее применительно к юридическим реалиям XV — середины XVI в. под судьей понимать не конкретную должность, а любого человека, занимающегося реализацией полномочий судьи в данном конкретном случае. На основе изучения персонального состава судей по земельным делам представляется возможным выделить ряд критериев, которые учитывались при поручении судебных функций. Потенциальный судья должен был быть грамотен и осведомлен о сложившихся традициях суда. Важным было и наличие минимального опыта работы вроде участия в разъездах и межеваниях. В полномочия судьи следует включать проведение разбирательства судебного дела по существу, подготовку судопроизводственной документации (судного списка и списка для доклада), а также составление окончательного документа по делу — правой или бессудной грамоты.

Несколько нелогичным в таком определении судьи выглядит отсутствие вынесения судебного решения в качестве одного из его полномочий. Как кажется, именно этот компонент в полномочиях не является обязательным. Появление в тексте Судебника 1497 г. двух категорий местных администраторов — наместников с правом боярского суда на данной в кормление территории и наместников, держащих кормление без подобного права и поэтому обязанных передавать разбираемые ими дела на доклад великому князю или его боярину для вынесения окончательного решения по делу [Российское законодательство, т. 2, с. 56, 59], снимает отмеченное выше противоречие и дает твердые основания предполагать, что в Русском государстве XV — середины XVI в. могли существовать и судьи, которые были обязаны проводить разбирательство земельных конфликтов, но при этом не имели права вынесения окончательного решения по делу. В рамках данной работы в качестве судей будут рассматриваться как лица, выносившие самостоятельно решение по земельному делу, так и лица, передававшие его на доклад.

Процедура доклада описана в законодательных источниках довольно расплывчато: в Судебниках присутствует лишь четкое определение пошлин, которые должны были взиматься с проигравшей стороны при разрешении дела на докладе, а также уже упоминавшееся выше предписание об обязательном предоставлении дела на доклад великому князю (позднее царю) или его боярину наместником, держащим кормление без права боярского суда [Там же, с. 56, 57, 103]. Актовые источники — материалы конкретных судебных разбирательств о земле — значительно уточняют представление о процедуре доклада. Сама процедура заключалась в представлении судьей документа, в котором фиксировался процесс разбирательства дела по существу, вышестоящим должностным лицам для вынесения приговора. В ряде случаев доклад происходил в присутствии обоих истцов [АСЭИ, т. 1, № 168, 397, 604, 607; т. 2, № 414]. Истцы в процессе доклада могли предъявить документальные доказательства своих прав на землю, которые они не могли или не считали нужным представить

судье, разбиравшему дело по существу — «став на спорной земле» [АСЭИ, т. 1, № 326, 635, 658, т. 3, № 48, 250]. Реализацией решения занимался судья, разбиравший дело, либо иное должностное лицо по его поручению.

В ходе исследования судопроизводственной деятельности в Русском государстве XV—XVI вв. было проанализировано 236 документов по тяжбам о земле в форме правых грамот, судных и докладных списков, бессудных грамот, включений текстов судопроизводственных документов в позднейшие источники. Исследованные источники представляют собой самостоятельные документы либо включены в тексты монастырских копийных книг и в документы Поместного приказа. Большая часть изученных документов по земельным тяжбам опубликована, однако для формирования репрезентативной источниковой базы использовались и архивные материалы. Проанализированные судопроизводственные документы по тяжбам о земле представляют собой естественную выборку. В то же время выявленная источниковая совокупность является репрезентативной и достаточной в рамках изучения развития организации суда, полномочий судей и динамики судебных разбирательств по тяжбам о земле. 236 изученных судопроизводственных документов позволяют реконструировать персональный состав судей по земельным делам и на основе этого сделать выводы об их должностном положении и полномочиях, а также отражают изменения в составе истцов и ответчиков и в самой организации суда, что является отражением трансформации различных видов земельной собственности и эволюционных изменений судопроизводственной деятельности.

Анализ совокупности источников, отражающих тяжбы о земле в Русском государстве XV — середины XVI в. (236 судопроизводственных документов), позволяет отметить, что динамика судебных споров по земельным делам в этот период не отличается стабильностью: иногда ее интенсивность увеличивается, иногда, наоборот, снижается. Как представляется, частотность разбирательств, с одной стороны, напрямую связана с развитием феодального землевладения, а с другой — определяется мероприятиями в области земельной и административной политики. От периода с начала XV в. и до середины XV в. сохранилось очень мало документов судов о земле. В качестве объяснения этого факта укажем на две причины. Во-первых, в этот период еще происходит складывание практики документирования судопроизводственной деятельности, и, вероятно, не каждое судебное разбирательство сопровождалось составлением судопроизводственных документов. Во-вторых, логика развития феодальной системы в русских землях такова, что именно в этот период происходит формирование крупных земельных вотчин как путем пожалования, так и через захваты владений крестьянских общин и мелких земельных собственников. Однако решение возникающих земельных противоречий оказывается отложенным на неопределенный срок в связи с нестабильной внутривосточной обстановкой и идущей феодальной войной 1425—1453 гг. В этой ситуации логично предположить, что и самих судебных процессов о земле происходило не так много, как в последующие периоды. Таким образом, незначительное количество документов по тяжбам о земле начала — середины XV в. связано как с низкой интенсивностью судопроизводственной деятельности по земельным делам в этот период, так и

с только что начавшимся процессом распространения практики документирования судопроизводственных отношений.

В следующий период (примерно с 1485 по 1505 г.) происходит значительный скачок интенсивности судебных разбирательств в связи с проведением первого общерусского писцового описания 1497–1505 гг., которое по сути своей являлось ревизией всего земельного фонда. На этот период приходится чуть менее половины (110 из 236) исследованных судебных документов. Сам характер описания толкал собственников на то, чтобы закрепить не всегда легальные приобретения земли путем признания прав владения через суд, либо, наоборот, суды рассматривались пострадавшей стороной как способ восстановления нарушенных прав владения и использования. Установленный в ходе работ писцов *status quo* повлек снижение количества судов о земле в 1505–1533 гг. Следующий скачок интенсивности, связанный с деятельностью писцов, приходится на второе общерусское описание, происходившее в 1540–1544 гг., однако здесь главной причиной обращения в суды было не стремление к фиксации земельных захватов, а развитие поместной системы и раздача великокняжеской земли служилым: в период первого общерусского описания основная масса земельных споров происходила между монастырями и общинными крестьянами, в то время как в период начиная со второй половины 1510-х гг. в качестве активного участника судов о земле выступают мелкие земельные собственники. Эта тенденция продолжается и в период самостоятельного правления Ивана IV.

Исходя из анализа должностного положения и персонального состава выявленной совокупности судей (как уже упоминалось, в 236 документах судов о земле фиксируется 206 судей) можно выделить 6 основных групп должностных лиц, разбиравших земельные конфликты по существу, «став на спорной земле». Все эти группы действовали не одновременно, а постепенно сменяли друг друга на протяжении XV – середины XVI в. Разными были полномочия у судей, входивших в состав каждой из них. Наконец, социальное положение судей из разных групп также отличались.

Самой многочисленной была группа судей, которые в документах судов о земле фигурируют без указания их должностного положения и обозначаются просто словом «судья». Низкая частотность появления одного и того же судьи в комплексе исследованных документов (значительная часть из них фигурирует лишь один-два раза) наводит на мысль о том, что реализация функций по проведению такого разбирательства, как «став на спорной земле», является результатом особого предписания со стороны вышестоящих органов власти о суде одного или нескольких конкретных дел. В большинстве случаев судьи этой категории передают дела на доклад вышестоящему должностному лицу для вынесения приговора [АРГ, № 40, 24; ОР РНБ, АИ/17, л. 806–812 об.], что дает основания предполагать ограниченность полномочий судей этой категории. В период писцовых описаний деятельность этой категории судей значительно интенсифицируется. Документы судов о земле показывают, что в период проведения описания судьи были подчинены главе писцовой комиссии, именно ему они передают дела на доклад [АСЭИ, т. 2, № 336; АФЗХ-Симонов, № 3; АРГ, № 57]. Нередко они присутствуют и на суде

писцов в качестве судных мужей [АСЭИ, т. 1, № 628, т. 2, № 309, 310, т. 3, № 223, 224, 478], однако не перемещаются из уезда в уезд вместе с писцовой комиссией. Такая «оседлость» наводит на мысль о том, что в социальном плане это были мелкие местные землевладельцы либо представители местных оскудевших боярских и княжеских родов, в силу разных причин не включенные в работу центрального управленческого аппарата. Судопроизводственная деятельность по особому предписанию либо в рамках писцовых комиссий была одним из вариантов несения государевой службы для этой категории судей. После окончания писцового описания судьи, работавшие в составе писцовых комиссий, продолжали получать предписания о разбирательстве земельных дел [Там же, т. 2, № 336, 338], что свидетельствует о важности приобретенного профессионального опыта. Служба в качестве судьи нередко стимулировала потомков к поступлению на административные должности. Дети и внуки представителей этой категории судей фигурируют в источниках в качестве разведчиков, рассыльщиков указных грамот, сборщиков податей, губных старост, в редких случаях переходят на службу в центральный управленческий аппарат в качестве дьяков и подьячих или занимают должности при государевом дворе.

Характерная особенность служебной деятельности этой категории судей — работа на той территории, где они постоянно проживают и владеют земельным имуществом, — создавала предпосылки для должностных злоупотреблений. Являясь частью корпорации местных землевладельцев, судьи в процессе разбирательства земельных споров нередко оказывались втянуты в конфликт интересов, когда вынесение справедливого решения по делу могло негативно отразиться на отношениях судьи и проигравшей стороны. В ряде случаев это приводило к волоките [Там же, № 338, 374] либо к принятию судьей неправосудного решения. Довольно стандартной была ситуация, когда судья выносил неправосудное решение в пользу монастыря, в синодиках которого поминаются его предки [Там же, № 336]. Иногда судьи местного уровня шли на прямой подлог служебных документов, выдавая правую грамоту (документ, фиксирующий решение суда и его реализацию), прямо противоречащую по смыслу тому решению, которое было принято в результате доклада [Там же, № 337]. Наконец, известны случаи и прямой коррупции, когда судья выносил неправосудное решение в результате получения взятки. Так, например, в одном из разбирательств конца XV в. между Симоновым монастырем и великокняжескими крестьянами по поводу земель двух запустевших деревень в Коломенском уезде крестьяне заявили, что судья, разбиравший дело ранее, вынес неправосудное решение в пользу монастыря, получив от старцев взятку: «а взял у них господине от тое земли посула шубу кунью да 15 рублей денег», однако, несмотря на это заявление, судья, повторно разбиравший дело, по совокупности представленных доказательств вынес решение вновь в пользу Симонова монастыря [Там же, № 414].

Источники второй половины XV в. не содержат прямых свидетельств о наказании судей, принявших неправосудное решение или осуществивших подлог документов: вероятнее всего, они просто более не привлекались к судопроиз-

водственной деятельности после выявления подобных фактов, однако уже в первой половине XVI столетия в подобных случаях судьям назначается наказание в виде возмещения материального ущерба, который был нанесен в результате их действий [АГР, № 55]. Судьи могли и просто недобросовестно исполнять свои служебные обязанности и отлынивать от разбирательства мелких земельных дел при проведении писцового описания, когда их деятельность интенсифицировалась: так, например, один из судей, работавших под началом писца во время проведения первого общерусского описания рубежа XV–XVI вв. в Белозерском уезде, заявлял великокняжеским крестьянам на их просьбу о разбирательстве земельного дела, что ему «на ту землю ехать недосуг за государскими делами великого князя» [АСЭИ, т. 2, № 310].

Вторая группа судей по земельным делам — это писцы. В социальном плане писцы занимали более высокое положение, чем судьи предыдущей категории. Анализ персонального состава показывает, что писцы в основном происходят из боярских и княжеских родов, довольно рано перешедших на службу к великим московским князьям. Очевидно, что проведение писцовых описаний было невозможно без разбирательства земельных конфликтов. Масштаб и важность работы по ревизии земельного фонда нашли свое выражение в значительных судебных полномочиях писцов. Документы судов о земле показывают, что писцы имели право самостоятельного вынесения судебного решения независимо от их места в феодальной иерархии и предыдущей службы [см.: АГР, № 64, 65; ОР РНБ, АИ/16, л. 1111 об.—1112 об.; АСЭИ, т. 1, № 639]. Дела на доклад писцы передавали либо только в самых сложных случаях, либо когда для разрешения спора требовалось привлечение документов, хранившихся в великокняжеской казне [АСЭИ, т. 2, № 306, 309]. Некоторое сокращение полномочий писцов происходит во время второго общерусского описания 1540–1544 гг.: в этот период они, по-видимому, утратили право самостоятельного вынесения решения и были обязаны передавать дела для вынесения приговора дворецким и казначеям [см.: АФЗХ-Симонов, № 63, 72]. Во второй половине 1540-х — начале 1550-х гг., после венчания на царство Ивана IV, когда проводится описание отдельных уездов Русского государства, писцы вновь приобретают право вынесения приговора по делу [см.: АЮБ, т. 1, разд. 52, № 6]. Исходя из этого можно предположить, что сокращение судебных полномочий писцов в конце 1530-х — первой половине 1540-х гг. являлось отражением происходившей верхушечной борьбы между боярскими группировками и стремлением поставить под свой контроль управленческий аппарат.

По мере усложнения и развития управленческой системы к судопроизводительной деятельности начинают привлекаться и профессиональные государственные служащие: приставы, дьяки и подьячие, городовые приказчики и губные старосты. Они образуют третью группу судей по земельным делам. Приставы преимущественно действуют в качестве судей в период до середины 1480-х гг. и обладают ограниченными судебными полномочиями, которые заключаются в проведении разбирательства дела по существу, «став на спорной земле», подготовке судного списка и обязательной передаче дела на доклад великому или удельному князю или великой княгине [см.: АСЭИ,

т. 1, № 329, 479]. По мере развития системы управления их судопроизводственная деятельность прекращается — и они превращаются во вспомогательный судебный персонал.

Со времени первого писцового описания в судопроизводственную деятельность по земельным делам включаются дьяки и подьячие. Очевидно, что работа по проведению ревизии земельного фонда и составлению писцовых книг, носивших характер кадастра, не могла происходить без участия высокопрофессиональных канцелярских служащих. Поэтому дьяки в качестве судей всегда выступают в паре с писцами, и именно в такой ситуации они имеют право вынесения приговора по делу [АФЗХ, ч. 1, № 309; АГР, № 51, 65]. В немногочисленных случаях они лишь выполняют разбирательство дела по существу с последующей передачей его на доклад [см.: АСЭИ, т. 2, № 383, 481; АРГ, № 77]. Дьяки в качестве судей по земельным делам действуют на протяжении всего изучаемого периода, однако никогда не приобретают права вынесения приговора, за исключением тех случаев, когда судят в паре с писцом. Анализ персонального состава и карьерного роста дьяков, работавших в составе писцовых комиссий и судивших дела о земле, демонстрирует ряд важных тенденций, связанных с развитием специализации внутри государственного аппарата и складыванием приказной системы: если дьяки второй половины XV — первой четверти XVI в. после проведения писцового описания могли заниматься делопроизводством и в ведомствах иного профиля [см. об этом: Алексеев, 1998, с. 264], то в более поздний период они не меняют сферы профессиональной деятельности и на протяжении всей своей карьеры работают в органах государственной власти, связанных с учетом земельной собственности и регулированием поземельных отношений.

Начиная с 1530-х гг. в документах судов о земле начинают фигурировать городовые приказчики и губные старосты. Городовые приказчики занимались разбирательством земельных споров в том случае, если предметом тяжбы были городские или прилегающие земли либо если в качестве одной из сторон спора выступали посадские люди, подчиненные городовому приказчику [см.: АГР, № 71; ОР РНБ, АИ/17, л. 806—812 об.]. Губные старосты выступали в качестве судей по земельным делам в тех случаях, когда одна из сторон спора пыталась разрешить земельный конфликт силовым способом, совершая наезд на земли соседей, в ходе которого сжигала урожай и сено, грабила и избивала крестьян, уводила скот [АГР, № 71]. В ситуации, когда земельный спор сопровождался преступлением, участие губных старост, которым было поручено разбирательство уголовных дел, выглядит вполне оправданным. Во всех изученных случаях суда городовых приказчиков и губных старост дела передаются на доклад царю или его боярину.

В историографии довольно хорошо изучено имущественное положение дьяков и подьячих, губных старост и городовых приказчиков. Историки в целом сходятся во мнении, что все эти должностные лица принадлежали к слою служилых землевладельцев [см., например: Алексеев, 1998, с. 275—276; Носов, с. 338]. Материалы судебных дел о земле и анализ персонального состава этой группы судей не опровергают ранее высказанной точки зрения.

В тяжбах о земле в качестве судей участвовали и представители лично зависимого населения Русского государства, которые составляют пятую группу судей. Речь в данном случае идет о тиунах великого князя и удельных князей, великой княгини Марии Ярославны, наследников великого князя, наместников и писцов, которые преимущественно выполняли функции судей во второй половине XV в. По своей деятельности они близки к приставам: так же, как и последние, тиуны занимались разбирательством дела по существу, «став на спорной земле», а затем передавали дела на доклад своему господину для вынесения приговора [см.: АГР, № 45, 57; АСЭИ, т. 1, № 397, 557]. Судопроизводственная деятельность тиунов прекращается к началу XVI столетия.

В состав шестой группы судей по земельным делам, разбиравшим споры «став на спорной земле», входят высокопоставленные должностные лица: наместники, бояре, дворецкие, казначеи, в одном случае — воевода. Судопроизводственная деятельность этих должностных лиц является отражением установлений Судебников 1497 и 1550 гг. о суде наместников, бояр и окольничих. Однако в общей совокупности выявленных судей по земельным делам XV — середины XVI в. число высокопоставленных судей, разбиравших дела «став на спорной земле», достаточно мало. Наместники в качестве судей по земельным делам фигурируют лишь в 5 случаях в документах, датированных периодом до 1505 г. [см.: АСЭИ, т. 2, № 250, т. 3, № 55, 250, 251] На протяжении всего периода судами о землях занимались и члены боярской думы [АЮБ, т. 1, разд. 52, № 4; АСЭИ, т. 2, № 496; АФЗХ, ч. 1, № 140]. Вероятнее всего, особым предписанием великого князя боярину или окольничему предоставлялось право суда на определенной территории. С другой стороны, участие в судах о земле бояр на местном уровне является реализацией нормы жалованных несудимых грамот о подсудности иммунитетной территории только великому князю или его боярину. С начала XVI в. в качестве судей по земельным делам, которые разбирали тяжбы «став на спорной земле», все чаще упоминаются дворецкие и казначеи [АФЗХ, ч. 1, № 309; АССЕМ, № 17; ОР РНБ, А I/17, л. 166 об.—169]. В период регентства Елены Глинской и боярского правления 1533—1547 гг. высокопоставленные должностные лица практически не занимаются разбирательством земельных дел «став на спорной земле». С началом самостоятельного правления Ивана IV роль казначеев и дворецких в судебных разбирательствах о земле снова возрастает. В это же время фиксируется первый случай деятельности воеводы в качестве судьи, который разбирал земельный спор в Нижегородском уезде в 1555 г. [АГР, № 66], что может быть основанием предполагать право суда воевод над подчиненными им служилыми землевладельцами в условиях отсутствия других должностных лиц, обладавших правом разбирательства земельных дел.

Важной представляется связь между разбирательствами земельных споров высокопоставленными судьями и вынесением ими самостоятельного решения либо передачей дела на доклад. Высокопоставленные судьи, фигурирующие в источниках с указанием должности наместников, ни в одном случае не вынесли приговора по тем делам, которые они разбирали («став на спорной земле»), и все дела передали на доклад либо напрямую великому или удельному

князю либо его боярину, который уже затем сам докладывал дело великому князю, на основании доклада боярина выносилось решение. Иная ситуация складывалась в тех случаях, когда разбирательствами о земле занимались люди, входившие в состав боярской думы. Они в большинстве случаев сразу же выносили приговор по итогам разбирательства дела, «став на спорной земле» [АФЗХ, ч. 1, № 140, 222; АСЭИ, т. 2 № 402, 410; АСЭИ, т. 3, № 35].

Наконец, особого внимания требуют те земельные споры, которые с самого начала, минуя судей местного уровня, разбирал сам великий князь (позднее царь), удельные князья и наследники великого князя. В этом качестве в документах судов о земле фигурируют удельные князья Дмитрий Юрьевич Шемяка [см.: Каштанов, 1970, № 6], Василий Ярославович Серпуховско-Боровский [Там же, № 16], Михаил Андреевич Верейско-Белозерский [АСЭИ, т. 2, № 90, 167], Юрий Васильевич Дмитровский [Там же, № 387], Андрей Васильевич Большой Углицкий [Там же, т. 1, № 447], великие князья московские Василий I [Там же, т. 3, № 31] и Иван III [Там же, т. 2, № 381, 464], наследники великокняжеского престола Иван Иванович Молодой [Там же, т. 1, № 521, 522] и Дмитрий Иванович Внук [Там же, т. 2, № 416], царь и великий князь Иван IV [АТКМ, № 119; АРГ-АММС, № 75; АГР, № 74]. Участие представителей московского великокняжеского дома в разбирательстве земельных дел по существу является отражением судебного иммунитета ряда территорий, оформленного в жалованных грамот. Общее число подобных разбирательств в изученной совокупности судебных документов невелико, а одной из сторон спора в большинстве случаев выступают монастыри, которые при наличии жалованной грамоты были напрямую подсудны великому князю, минуя стадию судей местного уровня.

Исследование состава, должностного положения и численности судейского корпуса не может быть ограничено только лишь изучением судей, разбиравших земельные споры — «став на спорной земле». Чрезвычайно важным для реконструкции полномочий судей по земельным делам представляется анализ круга лиц, разбиравших дела на докладе. Среди 236 изученных судопроизводственных источников по тяжбам о земле процедура доклада упоминается в 155 документах, что позволяет выявить имена и должностной статус 27 высокопоставленных судей, разбиравших дела на докладе. Можно выделить три варианта рассмотрения земельной тяжбы на докладе: 1) дело на доклад получает боярин, рассматривает его и принимает решение; 2) доклад принимает великий или удельный князь, великая княгиня или наследник и сразу же выносят решение; 3) тяжбу на докладе рассматривает сначала боярин, который затем передает его великому или удельному князю, великой княгине или наследнику для приговора. Рассмотрим деятельность и состав судей в этих трех конкретных случаях.

Анализ персонального состава судей, принимавших доклад и сразу же выносивших приговор без передачи его на рассмотрение великому или удельному князю, дает основание предполагать, что право вынесения решения боярином на докладе было свидетельством его исключительных полномочий. Все высокопоставленные судьи, принимавшие доклад по земельным делам и са-

мостоятельно вынесшие решения, являлись членами боярской думы или были особо приближены к государю [см.: АСЗ, т. 1, № 145, 146, 314; АСЭИ, т. 1, № 583, т. 2, № 411, 418].

Среди высокопоставленных судей, принимавших доклад, а затем передавших дело для приговора великому князю, в период до конца правления Ивана III преобладают князья, перешедшие на службу к московскому великокняжескому дому и вошедшие в состав боярской думы [см.: АСЭИ, т. 1, № 651, т. 2, № 285, т. 3, № 218]. При этом отчетливо видна связь с их родовыми владениями: как правило, они разбирают земельные дела, происходящие с территории тех уездов, которые до включения в состав единого Русского государства были подвластны этой княжеской династии. Постепенно на смену им приходят казначеи и дворецкие, не всегда имевшие боярский чин и происходившие как из среды княжат, так и представлявшие старомосковские боярские роды [АССЕМ, № 3; АГР, № 26; АСЭИ, т. 3, № 218, 276]. В период регентства Елены Глинской и боярского правления казначеи и дворецкие постоянно принимают доклады по земельным делам [АФЗХ-Симонов, № 63, 72; АГР, № 49, 55]. В период правления Ивана IV подобный вариант развития процедуры доклада упоминается крайне редко [см.: АССЕМ, № 91]. По сравнению с предыдущими представителями династии московских великих князей Иван IV в большинстве случаев сам принимает доклад и выносит решение.

Наконец, третий вариант доклада — вынесение решения непосредственно государем. Документы судов о земле XV — середины XVI в. упоминают о подобной судопроизводственной деятельности великих князей Ивана III [см.: АСЭИ, т. 1 № 340, 557, 571] и Василия III [ОР РНБ, А I/17, л.166 об.—169; АССЕМ, № 17, АРГ, № 194], царя и великого князя Ивана IV [АТКМ, № 119; АРГ-АММС, № 75; АГР, № 66, 70, 71, 74; АСЗ, т. 1, № 277], наследников великого князя Ивана III Ивана Ивановича Молодого [АСЭИ, т. 1, № 523, 524, 537], Дмитрия Ивановича Внука [АФЗХ, ч. 1, № 117, 259, 309] и Василия Ивановича до начала его самостоятельного княжения [АСЭИ, т. 1, № 582, 628; Маштафаров, № 10], великой княгини Марии Ярославны [АФЗХ, ч. 1, № 308; АСЭИ, т. 1, № 397], удельных князей Михаила Александровича Верейско-Белозерского [АСЭИ, т. 1, № 467; АСЭИ, т. 2, № 188; 358], Андрея Васильевича Большого Углицкого [АСЭИ, т. 1, № 447] и Юрия Ивановича Дмитровского [АРГ, № 77; ОР РНБ, А I/17, л. 890–893; АСЭИ, т. 3, № 173]. Все они слушали доклад судьи, разбиравшего дело «став на спорной земле», и выносили решение. Необходимо отметить, что подобным образом доклад происходил преимущественно в судах удельных князей либо в период самостоятельного правления Ивана IV. Вероятнее всего в первом случае сыграл свою роль небольшой размер подсудной территории, который вел к незначительному числу дел и, следовательно, делал возможным личное участие князя в судебных разбирательствах минуя доклад боярина, а во втором диктовалось стремлением Ивана IV к неограниченной власти.

Подведем итоги. В результате исследования судопроизводственной деятельности, персонального состава, должностного положения и служебных полномочий

судей по земельным делам в Русском государстве XV — середины XVI в. можно сделать следующие выводы. В условиях перехода от управления Русским государством как вотчиной великих московских князей к централизованной управленческой системе и в ситуации недостатка управленческих кадров судопроизводственная деятельность еще не приобрела характера самостоятельной отрасли государственного управления. Во второй половине XV в. не существовало строго определенного круга должностных лиц, которым могла бы быть поручена исключительно судопроизводственная деятельность по земельным делам. По мере развития управленческой системы круг должностных лиц, разбиравших тяжбы по существу, значительно сужается. Уже к середине XVI в. разбирательством тяжб «став на спорной земле» занимаются профессиональные государственные служащие, полномочия которых напрямую связаны с учетом земельного фонда и регулированием правовых отношений в области владения землей. На уровне суда по земельным спорам на докладе происходят аналогичные изменения: право разбирательства дела на докладе, которым, по-видимому, обладал боярин по поручению великого князя либо княжата, вошедшие в состав боярской думы и сохранившие право суда над населением своих бывших княжеств, постепенно изымается и сохраняется лишь у дворецких и казначеев, должностные полномочия которых также были напрямую связаны с административным управлением и судом на конкретных территориях. В сфере участия великих князей в судебных разбирательствах происходит более сложная трансформация, которая выразилась в последовательной смене трех вариантов участия великого князя (позднее царя) в судебных тяжбах о земле. На начальном этапе, когда владения московского великокняжеского дома не выросли еще до значительных размеров, великие князья лично участвуют в судах о земле, проводя разбирательство дела по существу либо принимая доклад судьи местного уровня и вынося приговор по делу. В период правления Ивана III и Василия III частотность участия великих князей в принятии решения по земельным спорам несколько снижается за счет увеличения судебных полномочий членов боярской думы, что может быть связано со значительным ростом количества земельных споров. В период малолетства Ивана IV по очевидным причинам происходит еще большее уменьшение участия великого князя в судах о земле, однако после начала самостоятельного правления личное участие царя в разбирательстве земельных споров на уровне доклада резко возрастает, что является проявлением тенденции к самодержавной власти Ивана IV.

Таким образом, изменения, происходящие в составе судей по земельным делам в Русском государстве XV — середины XVI в., их должностном положении и полномочиях, определяются стремлением московских государей к самодержавной власти, опорой которой является управленческий аппарат, и имеют характер специализации должностных лиц и формирования четкого круга их обязанностей, что является одним из аспектов идущего процесса становления и развития унифицированной и централизованной системы управления единым Русским государством.

- АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. 407 с.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / изд. Археографической комиссии ; под ред. Н. Калачева. СПб., 1857. Т. 1. 399 с.
- АРГ — Акты Русского государства, 1505–1526 гг. М., 1975. 434 с.
- АРГ-АММС — Акты Русского государства : архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. М., 1998. 734 с.
- АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVI в. М., 1997. Т. 1. 432 с.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952–1964. Т. 1–3.
- АССЕМ — Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998. 640 с.
- АТКМ — Акты Троицкого Калязина монастыря XVI века. М. ; СПб., 2007. 247 с.
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951. Ч. 1. 401 с.
- АФЗХ-Симонов — Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613). Л., 1983. 351 с.
- Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М. ; Л., 1966. 266 с.
- Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. 446 с.
- Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства : очерк развития аппарата управления XIV — XV вв. СПб., 1998. 352 с.
- Ананьев В. Г. Семибоярщина // Родина. 2005. № 11. С. 35–40.
- Ананьев В. Г. Семибоярщина (1610–1612). Состав и политическая судьба : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 21 с.
- Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-н/Д, 1995. 640 с.
- Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского и апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859. 589 с.
- Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. 502 с.
- Каштанов С. М. Социально-экономическая и политическая история России конца XV — начала XVI в. М., 1967. 392 с.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в Средневековой России. М., 1985. 278 с.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI веков. М. ; Л., 1951. 255 с.
- Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. ; Тула, 2009. 792 с.
- Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV — начала XVI в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 36–52.
- Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб., 2003. 640 с.
- Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М. ; Л., 1957. 408 с.
- ОР РНБ. Ф. 573.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584 — 1605). СПб., 1992. 278 с.
- Пашкова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. 215 с.
- Петров К. В. Процедура судебного «доклада» в русском праве XV — XVI вв. : к истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV — начала XX в. : Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2008. С. 106–115.
- Петров К. В. Судебные дела об убийствах в Средневековой России (первая половина XVI в.): процедуры и их правовые источники // Тр. каф. истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 509–537.

Покровский Н. Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973. 230 с.

Российское законодательство X—XX вв. : в 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. 520 с.

Чеченков П. В. Нижегородский край в конце XIV — третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. Н. Новгород, 2004. 140 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2012 г.

УДК 325.111(470.34) + 325.111(470.53)

О. М. Семерикова

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ МИГРАЦИИ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (ВЯТСКАЯ И ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНИИ, 1906–1917)

Рассматриваются миграции крестьян Европейской России на территории уральских губерний и политика государства в этом вопросе. На основе документов локальных и центральных архивов выявлено, что миграции носили в основном официальный характер, что обусловило сосредоточение основной массы переселенцев на территории Верхотурского и Орловского уездов (Верхотурский и Мурашинский районы вселения). Установлено, что в связи с неудачным в сельскохозяйственном отношении расположением районов их проживания (северные уезды) и неудовлетворительной деятельностью государственных структур, отвечавших за переселение, значительную часть мигрантов представляли транзитные переселенцы на Урале.

Ключевые слова: переселенческая политика; аграрная реформа; крестьянская миграция; Вятская губерния; Пермская губерния.

В период аграрных преобразований уральские губернии являлись не только постоянными поставщиками желающих переселиться в Азиатскую Россию, но и сами были районами приема мигрантов. Закон предусматривал два пути обоснования на новом месте. Первый путь — это бесплатное зачисление участка в специальном переселенческом районе и водворение на нем (Мурашинский Орловского уезда и Пригородный, или Верхотурский). Для этих целей еще в начале 1890-х гг. Вятским управлением земледелия и государственных имуществ было образовано 48 крупных переселенческих участков [см.: РГИА, ф. 391, оп. 1, д. 996, л. 64]. Для их дальнейшего размежевания на отдельные земельные душевые доли в Вятскую губернию в 1898 г. Министерством государственных имуществ «для устройства и оценки оброчных статей и поселенческих участков были командированы 1 помощник производителя работ и 1 съемщик» [Краткий обзор, с. 2]. Но вплоть до начала XX в. оба района характеризовались слабым процессом заселения. Так, в 1898 г. в Вятскую губернию переселилось только 159 человек обоого пола [см.: Краткий статистический очерк, с. 87]. Ситуация изменилась в период реализации новой переселенческой политики. Подготовительными мероприятиями, обеспечившими рост числа мигрантов,